

ДИАЛОГ БУДДИСТА И КОНФУЦИАНЦА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Н. Н. ТРУБНИКОВА

«Три учения» — конфуцианское, даосское и буддийское, их взаимовлияние и общественная роль, модели осмысления и обоснования государственной власти, предлагаемые ими, находятся в центре внимания многих исследований по истории дальневосточной традиции мысли¹. Японские источники представляют в этом отношении особый интерес. Учения Будды, Конфуция и Лао-цзы утвердились на Японских островах в одно и то же время, около середины VI в. Они были восприняты как три части одного целого — континентальной китайской культуры. Японская буддийская община изучала канонические тексты по китайским переводам, учение Просветленного осваивалось через посредство китайской классической традиции, включая две ее составляющие: конфуцианство как нормативный семейный и социальный код и даосизм как своего рода «контрклассика», обобщение практик, направленных на достижение личного бессмертия².

Уже в начале периода Хэйан (744—1195) в Японии возникают тексты, в которых описание буддийского Пути дается в сопоставлении с конфуцианским и даосским учениями. Вниманию читателей предлагается русский перевод одного из таких описаний. Оно представляет собой фрагмент сочинения под названием «Драгоценный ключ к тайному хранилищу» (Хидзо хояку). Автор — Кукай (Кобо-дайси, 774—835), основатель буддийской школы Сингон («школа истинных слов») ³.

¹ Можно сослаться, например, на материалы сборника «Буддизм и государство на Дальнем Востоке» (М., 1987) или том «Буддизм в Японии» (М., 1993), а также на такие исследования, как Anesaki M. *History of Japanese Religion*. Rutland; Tokyo, 1980; Plutschow H. *Chaos and Cosmos. Ritual in early and medieval Japanese Literature*. Leiden, 1990; Matsu-naga Alicia & Daigan. *Foundation of Japanese Buddhism v. 1* Los Angeles; T., 1974 (87).

² Hori I. *Folk Religion in Japan*. T., 1968. P. 71 ff.

³ Кит. аналог — Чжэньян, санскр. Mantraуana. Базовая сутра школы — «Сутра о Великом Солнце — будде Махавайрочане» (Дайнити-кё).

В 830 г. по повелению императора Дзюнна (на престоле с 823 г.) Кукай составил трактат «Дзю дзюсин рон» — подробное описание сингонского учения, куда в качестве этапов развития просветления в человеческом сердце⁴, предваряющих «тайное» учение Сингон, вошли девять буддийских и небуддийских учений, истолкованных как аналоги «десяти состояний сердца». В том же 830 г. была составлена сокращенная версия этого трактата — «Драгоценный ключ», текст, предназначенный для чтения в присутствии государя.

Школа Сингон учит о просветлении как отождествлении с единым всеобъемлющим буддой (дзёбуцу). Оно достижимо для каждого человека при этой его жизни, «в этом теле» (соку син) и происходит «внезапно», таинственно-непосредственным образом. Внутренняя природа каждого живого существа совпадает с природой будды. Достичь просветления — значит выявить будду внутри себя. Раннее буддийское учение, в котором буддой признают отшельника из рода Шакья, а просветление считают делом постепенного совершенствования в течение многочисленных перерождений, с точки зрения «тайного учения» — в значительной мере пройденный этап. (Разумеется, с позиций первоначального буддизма возможна не менее суровая оценка поздних «тайных» школ.) Однако в разделе о первом из буддийских учений в «Хидзо хояку» Кукай выбирает ту точку зрения, согласно которой и «явные» и «тайные» школы представляют одно и то же движение, идут по одному буддийскому пути. Эта объединяющая точка зрения находится вне буддийского учения, но она не должна быть незаинтересованной, ведь речь идет не просто о перечне учений, но о выборе лучшего. И такой точкой зрения оказывается позиция конфуцианца: «благородный муж», заботящийся о благе государства, задает вопросы о «пользе»

⁴ «Сердце» — син/кокоро, одно из ключевых понятий японской традиции: 1) орган мысли, синоним сознания (в отличие, например, от внешних чувств); 2) «сердцевина», внутренняя сущность живого существа. «Сердце» каждого из существ в каждый из моментов его существования бывает в одном из «десяти состояний»; с их описания начинается первая глава «Сутры о Великом Солнце».

буддизма для страны и ее правителя.

Буддийские монахи — не лишние люди в государстве, так как они читают и переписывают сутры, а через сутры сам будда Великое Солнце (Махавайрочана) защищает страну от всевозможных бед. Буддийская община рассматривается как государственное ведомство, отвечающее за предотвращение катастрофических ситуаций. При этом природные бедствия — засухи, наводнения, эпидемии и т. п. — в конечном счете мыслятся как следствия разлада в обществе: государство часто приходится защищать от самого же государства, от космических последствий несвоевременных распоряжений⁵.

У буддистов есть своя страна, невидимая «земля будды», сложно структурированная область различных состояний сознания. Это та область, куда восходят в медитации; но на мандалах, культовых картинах, она изображается в виде плана некоторого идеального города, системы соподчиненных «палат», в центре которой находится дворец «мира-закона», а в нем — будда Махавайрочана. Будда в этом случае мыслится как государь учения, ряд последовательных воплощений («частных тел» будды, персонажей мандалы) связывает его с каждым из обитателей его страны (с каждым из буддистов, кто «искал у него прибежища») отношением внутреннего тождества. В этом смысле каждый почитатель будды Махавайрочаны — наследник учения; «монархический» статус ученика «истинных слов» подчеркивается в ритуале «окропления главы» (посвящения в монахи тайной школы).

От интересов земного государства задачи буддийской общины теоретически достаточно далеки. Сфера действия буддийского закона совершенно универсальна, она не исключает и вне-социальных существ (духов, зверей, детей и прочих, как в притче о «девочке-драконе» из «Сутры Лотоса») и антисоциальных (например злодея Девадатту из того же текста)⁶. Далее, дости-

⁵ Ср.: Ткаченко Г. А. Космос, музыка, ритуал. Миф и эстетика в «Люйши чуньюю». М., 1990. С. 92—93.

⁶ Ср. Groner P. The Lotus Sutra and Saichō's Interpretation of the Realisation of Buddhahood with this Very Body/The Lotus Sutra in Japanese Culture. Honolulu, 1989, pp. 53—74, особ. 60—63.

жение состояния будды, по учению Сингон, произойдет в этом теле, здесь и сейчас, тогда как любые государственные меры совершенствования всегда рассчитаны на несколько поколений: действия государства столь же нуждаются в авторитете предков и в отсылках к выгодам потомков, как нуждается в цепочке прежних и будущих перерождений этика «небесного пути» с ее опорой на карму. Буддийское учение также признает карму, воздаяние в будущей жизни за прошедшую, но лишь как тот бессмысленный круговорот, за пределы которого нужно вывести все живые существа. Вместе с тем реальная подчиненность общины государству не остается без теоретического обоснования. Для Кукая соединением внешней и внутренней задач — «защитить страну» и «каждому в этом теле стать буддой» — служит формула гэндзэ рияку («польза и выгода в этом мире»). На оба подвопроса: и что входит в гэндзэ, «этот мир», и в чем состоит его рияку, «польза и выгода» — ответы даются в конфуцианских терминах.

«Польза» — это прежде всего наличие гаранта: носителя положительной космической программы, совершенномудрого государя. Он столь же редок, как цилинь или феникс (говоря языком китайских легенд) или как цветок удумбара (в буддийской символике). Само появление совершенного государя и есть показатель того, что дела в государстве — в «этом мире» — обстоят насколько возможно хорошо.

Хорошее или плохое состояние «этого мира», «восходящая» или «нисходящая» линии его развития зависят от трех вещей: 1) гармонических колебаний во Вселенной (тех, что узнаются, например, при гадании по стеблям тысячелистника); 2) справедливости человеческих поступков (несвоевременные распоряжения влекут за собой катастрофические изменения в природе); 3) кармы, или «запечатленных деяний». В этом третьем случае имеется в виду не моментальная природная реакция на государственные непорядки, а некоторая всеобщая программированность «дел и вещей», когда сумма событий, достигающих на долю каждого отдельного существа в нынешней его земной жизни,

представляет собой воздаяние за его же деяния в прошлых перерождениях.

У Кукая в 1—3-м разделах «Хидзо хояку» обсуждаются эти три позиции, соответствующие первым трем «состояниям сердца». «Первое состояние сердца» — это те, кто учит, будто «...Один [=Ци], Два [=Инь и Ян] и Путь [=Дао] развертываются и порождают; беря начало в Трех [=Небо, Земля и Человек], появляются все вещи» (отсылка к 43-му фрагменту «Дао-дэ-цин»). Сюда же относятся учения о божестве-творце (Ишваре, Брахме). Им Кукай приписывает роль оправдания (но вместе с тем и смягчения) некоей первоначальной дикости. Они возникают в мире, где люди думают лишь о том, чтобы есть и плодиться, когда убивают друг друга для забавы, истребляют зверей, птиц и рыб, и т. д. Первое учение дает ответ на вопрос о происхождении и конечной судьбе «всего», но не об источнике и цели жизни отдельного существа в «этом теле» (=нынешнем воплощении).

«Второе состояние сердца» соотносится с конфуцианством. Человеческие законы выражаются конфуцианскими категориями, однако подчеркивается, что все это — лишь измененный буддийский Закон и «пять постоянств» — то же, что пять буддийских заповедей: «Говоря «пять постоянств», указывают на человечность, справедливость, почтительность, мудрость и искренность. «Человечностью» называется то же самое, что и «не причинять вреда живому». Это значит — давать другим то, чего себе желаешь. «Справедливостью» называется не что иное, как «не воровать». Это значит — собирать и быть в состоянии отдать. Когда говорят «почтительность», то это значит «не прелюбодействовать». Это то же самое, что соблюдение пяти обрядов⁷. «Мудрость» — это то же, что «не бесчинствовать». Придерживаясь ее, можно рассуждать и принимать решения. «Искренностью» называется то же, что «не лгать»: сказанное

⁷ Пять обрядов — принесение жертв в храме предков, погребение усопших, оказывание гостеприимства странникам, обряды защиты страны, свадебные обряды.

непременно исполнять» (с. 206)⁸.

Как и «постоянства», заповеди относятся к регуляторам «этого мира». Но «постоянства» действены именно потому, что в них предвосхищается буддийская «польза» (истинная, не мирская): «Когда имеется возможность следовать этим пяти [предписаниям], то четыре времени года становятся прекрасны и светлы, пять элементов превращаются в золотое зеркало» (с. 207).

Показательно, что буддийские «чудесные деяния» (ясновидение, умение летать по воздуху и другие волшебные способности, по существу выводящие ученика из мира людей и близкие к достижениям даосских «бессмертных») ставятся в ряд с «прояснением» имен предков, ключевым элементом конфуцианского учения о смерти и посмертной судьбе человека⁹. Между тем главный вред от несоблюдения заповедей относится уже к третьей характеристике «этого мира» (гэндзэ), к карме: пренебрегая заповедями, нельзя переродиться человеком.

Построения, характеризующие буддизм в его первоначальной форме, сводятся к формуле: нет «я» (можно добавить: и нет «других людей», нет «вещей», нет «богов», ничего того, в отличие от чего говорят о «я»), а есть только пять групп дхарм, поток ежемгновенно изменяющихся «носителей», делящихся на носителей «плоти (видимости, телесности и др.)», «ощущения», «мысли», «действия» и «сознания». Таким образом, происходит разложение гэндзэ, «этого» (видимого, «нашего») мира. Можно сказать, что другие категории раннего буддизма направлены на отрицание «пользы» этого мира (рияку). Первые его этические положения, начиная с «четырех благородных истин», говорят о неустранимом самовоспроизводящемся страдании, связанном с такими синонимами «пользы» и счастья, как семья, потомство, богатство, — все это лишь закрепляет человека в мире желаний, в замкнутом кругу незнания — желания — рождения — страда-

⁸ «Хидзо хояку» цитируется по изданию: Нихон-но сисо. Т. 1. Сайге, Кукай сю. Т., 1969.

⁹ Ср. Митихата Р. Букке-то дзюке («Буддизм и конфуцианство»), Т., 1976.

ния. Избавление от страданий дается непривязанностью к «этому миру», уходом из дома, отказом от мирского счастья (и постановкой более высоких задач, вошедших, например, в «благородный восьмеричный путь»).

Собственно, гэндзэ как «явный» мир (=мир «настоящий» во временном смысле) еще надо получить, сам по себе он темен темнотой незнания и потому отнесен бесконечно далеко в кармическое прошлое-будущее. А прояснение его — буддийское познание и путь этого познания — в свою очередь, если не целью, то сопутствующим результатом имеет особую эффективность чисто мирских действий: кто сердцем давно уже пребывает выше мира желаний, для того каменная стена не препятствие и пустое небо — удобная дорога. Дхарма, буддийский Закон, оказывается вечным гарантом должного положения вещей (в отличие от периодически возникающих в мире гарантов — учителя и государя).

При этом речь идет не о законе в смысле правил, предписаний и т. п. — будет ли эффективен буддийский закон, спрашивает у учителя Гэнкана благородный муж, если уже, как мы знаем, неэффективны законы «пяти книг», предписания Вэнь-вана и Кун-цзы? Речь идет о законе более высокого порядка, таком, который всегда сбывается — только в отличие от гармонически колеблющейся ци, от инь и ян, от бесконечно многообразного узора-порядка («принципа», ли), этот закон сбывается всегда одинаково, это то самое «одно и то же», что сохраняется независимо от социальных перемен.

Перевод выполнен по изданию: Нихон-но сисо. 1. Сайте, Кукай сю («[Памятники] японской мысли». Том 1. «Сайтё, Кукай»). Издание, перевод на современный японский, комментарии Ватанабэ С. Т., 1969. При составлении примечаний учтены комментарии из издания: Кобо-дайси тёсаку дзэнсю (Полное собрание сочинений Кобо-дайси). Т. 1, Токио, 1995, а также из книги: Kukai. Major works. Translated by Y. S. Hakeda. NY; L., 1972.

ДИАЛОГ БУДДИСТА И КОНФУЦИАНЦА

**Из трактата «Драгоценный ключ к тайному хранилищу»
(Хидзо Хояку)**

Кукай (Кобо-дайси)

Благородный муж, радеющий о благе страны, спрашивал учителя Закона [по имени] Гэнкан [что означает — «Знаток-защитник»], говоря:

«Теперь, слушая проповедь о Законе и о тех, кто [принадлежит к] колеснице слушающих голос [=«малой колеснице», хинаяне], мы узнали, что их путь более чудесен, нежели пути людей и небожителей [...] [226] ...Их чтут и люди, и небожители, к ним стремятся, как в обитель блаженства, им подносят пожертвования и дары. [...] Пришедшие прежде [нас] совершенномудрые государи и мудрые сановники повсюду установили храмы и учредили [в них] монашеские [должности] ради покоя [страны]. Где звонят в колокола — тем [храмам] отписывали по 10000 крестьян; для прокорма [монахов] выделяли тысячу земельных участков. Но те — не просто с почтением пользовались [всем этим]. Государственные дела они приводили к миру и порядку, народу приносили пользу и довольство.

А ныне — многочисленные монахи и монахини хотя и склоняют голову, но не склоняют желаний; хотя и окрашивают одеяние, не окрашивают сердца¹. Те, кто соблюдает заповеди, [следует] уставу и мудрости, немногочисленны, числом — как рог у цилиня²; тех же, кто творит беззакония и следует ложным учениям — много, как чешуи у дракона. Днем и ночью трудятся они: быют поклоны за сановников и наложниц; утром и вечером подносят дары: гнутся до земли перед слугами и служанками. Таким образом, порядок, [завешанный буддой] Шакья[муни], начинает затухать, буддийский путь приходит в забвение.

Как от быстрого таяния снегов наступает половодье, как с началом года пробуждаются заразные болезни, так в Поднебесной наступает беспорядок, чиновники и народ смешиваются с грязью и сажей, страдают. Не связано ли это с разрушением всех

[монашеских] должностей?¹ Если есть люди, обретшие путь архатства, то перед ними следует сгибать спину и почтительно склонять голову, ради спасения страны надлежит жертвовать им подаяние».

[227] Учитель отвечал: «Хорошо сказано; эта [твоя] речь во многом [ведет к] пользе и выгоде. Итак, слушай же проникательным слухом Лин Луна⁴ и хорошенько обдумывай услышанное, заняв прозорливое сердце у Янь Цзы⁵. Мало-помалу, приводя один-два примера, я удалю семена заблуждения.

Итак, москитовы блохи⁶ не видят крыльев больших птиц; может ли мелкая ящерица узнать, какова чешуя дракона? Рога улитки не касаются небесного свода; могут ли ноги [жителя] Цяосяо⁷ дотянуться до дна морского? Слепорожденный не видит солнца и луны; глухой дурак не апышит раскатов грома. Так следует понимать глупость и ничтожность вообще. Кроме того, говорится: среди вещей есть хорошие и дурные, среди людей различаются умные и глупые. Умные и добрые люди редки, глупые и злые многочисленны. Эти люди — как цилинь или феникс, редкие и наилучшие среди птиц и зверей; как *мани* или алмаз, чудные и диковинные среди камней и металлов; так же совершенномудрые учителя — выдающиеся и превосходные среди людей, Яо и Шунь — великие и достославные среди государей. [...] Если единожды покажется цилинь или феникс, то в Поднебесной устанавливается великий мир; если однажды появится мани или алмаз, голоса 10000 существ зазвучат согласно. Если в мир приходит совершенномудрый государь, четыре моря становятся неподвижно-спокойны. Если же в управлении ему помогает мудрый сановник, то Единственный может сложить руки. Однако [228] при этом нет ничего, что было бы столь же редко, как совершенномудрый государь. Он является лишь один раз в тысячу лет. Мудрого сановника также трудно обрести, он приходит один раз в пятьсот лет. Кто слышал хотя бы имя *мани*, кто видел наяву цилиня или феникса? Однако пусть даже мы не видим ни цилиня, ни феникса, мы не должны истреблять род [других] пернатых и шерстистых [существ]. Хотя мы и не обре-

таем *мани*, мы не должны бросать другие металлы и драгоценные камни. Хотя и не родился еще тот, кто был бы подобен Яо и Шуню, — разве не должно быть государя в Поднебесной? Хотя и не пришли те, кто был бы равен шестнадцати сановникам, — разве следует отправить на покой сановников, ныне правящих землей? Кун[-цзы] давно ушел, однако толпа любящих его [учеников] разошлась по всей стране; Ли Нью [=Лао-цзы] также удалился на Запад, однако учеников, стремящихся к Пути, много в любой из провинций. Хотя и нет никого, кто был бы подобен [Вянь] Цзюэ или Хуа [Да], — разве пресекается путь врачевания? Хотя в наши дни и нет никого, кто был бы подобен И [Юцзюню] или Яну [Ючжи], — разве нам следует вывести из употребления боевые искусства? Ши [Гуань] и Чжунь [Цзиши] ощущали нить и струну [мировой музыки], [Ван] Ши [Чжи] и [его сын] Сянь [Чжи] улавливали драконью кисточку бессмертных. Эти люди все уже давно ушли. Кто обретет их искусство? И все же до сих пор [звуки] щипков пальцами [о струны] долетают до [нашего] слуха, исписанные [рукой каллиграфов] листы [бумаги] мелькают перед глазами. Причина того, что все эти [искусства] не обретают прекращения, но все еще поддерживаются, в том, что второе более разумно, чем первое. Так, плода совершенной мудрости архата трудно достигнуть в одном рождении. [229] Поэтому глупые и упрямые достигают его в течение 60 калып, а ловкие и мудрые — за три рождения. Они упражняются в самосовершенствовании и в прекращении страданий, свидетельствуют об уровнях совершенной мудрости. Но хотя они и не получают должного плода — святости и мудрости, — разве их путь следует отвергать?»

Благородный муж сказал: «Пусть встретиться с великим учителем или совершенно мудрым в самом деле столь трудно, как было сказано. Но я еще не слышал о том, почему столь же [трудно встретить] того, кто мудр и соблюдает заповеди».

Учитель сказал: «Среди времен бывают увеличивающиеся и уменьшающиеся⁸. [Состояния] Закона бывают: подлинное и измененное⁹. Во дни калыпы возрастания все люди только и дума-

ют, что о десяти добрых делах; в годы калпы убывания весь народ склоняется к злодеяниям. В течение 1000 лет истинного Закона — внутри — многочисленны люди, соблюдающие заповеди и обретающие путь; в тысячелетие измененного Закона — вовне — мало тех, кто соблюдает запреты и упражняется в добродетелях. Ныне — такое время, что заслужено [в наказание за] злые [дела]; «корни»¹⁰ у людей тупеют и грубеют. Хотя и пользуются этим путем, влекутся за этим ветром, все же лишь с трудом проникают на чудесный Путь, ветру следуют — как легкая пряжа. Как склонить к Западу синее небо, чтобы сдвинуть к Востоку толпу звезд? Когда вся земля кругом тяжко согрывается — как успокоить движение деревьев и трав?»

Благородный муж сказал: «Итак, по твоим словам, во времена, когда «корни» тупы, двигаться против течения очень трудно. Коль скоро это так, то разве могут — в области [мира, полной] зол, в области, [пораженной] пятью замутнениями¹¹, — существовать люди, соблюдающие заповеди, следующие [Пути], [230] ищущие мудрость¹²?»

Учитель ответил: «Почему же нет? Они есть. Пусть даже небесный круг обращается к Западу — Солнце и Луна встают с Востока; если созвездие Большой Медведицы движется вслед за другими, Полярная Звезда остается на своем месте; когда темная ни¹³ погубит все [листья на деревьях], [иголки] сосен оно пощадит; когда тень и дыхание [холода] заморозят воду, морское течение и вино не обратятся в лед. [...] Огонь сжигает все вещи, но огненные крысы играют внутри него; вода топит людей, но драконы и черепахи плавают в ней. То же можно сказать и о людях: одни говорят: «Как есть, так пусть и будет», другие: «Должно быть по-другому»; и коль скоро так говорят, то — разве в наше время, хотя оно и смутно и запятнано, — нет таких [мудрых и справедливых] людей?»

[231] Благородный муж сказал: «Теперь мы знаем о существовании таких людей. Но где пребывают и покоятся эти люди?»

Учитель ответил: «Великий квадрат не имеет углов, великий

звук трудно услышать. Великая белизна кажется пятнистой, великая прямота кажется [232] изогнутой; великое достижение кажется неполным, великая полнота кажется пустой. Темна добродетель и тождественна темноте¹⁴, разве, не будучи совершенномудрым, возможно понять ее? Узнать такого человека — тяжело, это было трудно даже древним мудрецам».

Благородный муж сказал: «Мирное и сияющее тождественно запыленному — это мы уже слышали ранее. Однако гора, скрывающая драгоценные камни, обильно порастает деревьями и травами; подземелье, прячущее мечи, встречает разноцветным сиянием¹⁵. Различая следы лап, узнают облик [зверя], высматривая дым, узнают огонь. Те, кто обладает мудростью и способен следовать добродетели — почему они непременно должны быть труднодоступными?»

Учитель сказал: «Поскольку вещи не прячут сердца, их вид становится явным. Поскольку люди прячут сердце, [их вид,] напротив, [не раскрывается]».

Благородный муж сказал: «Пусть так: трудно установить, что есть люди, подобные мудрым. Но ведь если это так, то [получается, что] закон будды наносит убыток государственной [казне], монахи попусту проедают [ее]. В чем от них польза?»

Учитель сказал: «Что приносит пользу, а что бесполезно — это устанавливается впоследствии. Итак, будем мерить большой мерой и сравним, каковы убытки и польза от [людей, идущих по] пути, и от простых [людей].

Сейчас, слыша твой вопрос, о дитя, я не думаю о течении и о сообщении Закона будды, [233] но только — об ущербе и выгоде для государства. Верные сановники и справедливые воины пусть станут рядом и помогут мне в разыскании правды.

Итак, основание государства и учреждение должностей, возведение на престол государя и управление народом — как это делается? Главное — это приносятся ли дары государем-царем, правителем Поднебесной, получают ли жалованье сановники и помощники, успокаивающие море внутри? Полностью ли они соблюдают условие: всегда выручать 10 000 людей из бед и пе-

чалей, как поступает всякий отец и всякая мать в Поднебесной [со своими детьми]? Это — как закон выучки лошадей, [и делать это] невозможно без надлежащего искусства. Путь выучки людей не обретается без поучения и приказа. Так, применяя закон пяти постоянств, руководят людьми четырех морей; изучая пять книг¹⁶ и три дополнения¹⁷, указывают правильный путь; драгоценные главы и алмазные разделы [буддийского] Закона отвращают от злых и кривых [путей]. Сказано, когда государь — вверху — совершает это, Поднебесная становится безусловна (*муи*). Когда сановники — внизу — следуют этому, то внутри знаков наступает надежда. Сановник почитателен к государю, сын к отцу — таков порядок. Вверху мир, внизу согласие — такова справедливость, ничего не недостает. Но в наши дни у людей, читающих «Книгу Песен», сердце не спокойно, не честно, не мудро и не сострадательно; у людей, читающих «Книгу Обрядов», помрачена решимость к соблюдению осторожности и скромности; [а между тем] в «Веснах и Осенях» установлен принцип избегания злого и обращения к доброму, чистота и точность почитаются на основании «Чжоуских Перемен».

Хотя в течении поколений и разворачивают их [свитки], разве кто-либо может исполнять предписания Кун-цзы, [234] соответствовать повелениям Чжоуского государя? Кто умеет читать наизусть, кто умеет говорить? — Даже и попугаи умеют. Но если, произнеся должное, мы не последуем ему, то чем мы тогда будем отличаться от обезьян? Кроме того, сотни людей, от государя до простого люда с девяти рек; начиная с [высших сановников], сменяющих династии, начальников семи путей и пяти отрядов, и вплоть до трехсот шестидести защитников, управителей всех уездов, управителей всех сельских областей; отцы и сыновья всех домов, сто семейств за каждым из ворот — число их неизмеримо, огромно, безгранично, — но есть ли среди них хоть сколько-нибудь людей, следующих человечности и справедливости? Есть ли сколько-нибудь людей, упражняющихся в верности и сыновней почитательности? Есть ли сколько-нибудь людей, защищавших учтивость и правдивость? А сколько среди

них тех, кто нарушал заповеди и предписания? Все без исключения, высшие и низшие, читали книги, но чтобы следовать им — этим себя не утруждали. Огромно число тех людей, у кого книги — на устах, но в сердце вовсе не находят доступа. Даже, как говорит пословица, читают «Книгу сыновней почительности», и тут же — бьют мать [ею] по голове. Так, кажется, говорится? Они вкушают законы и учения, а самих себя при этом не вспоминают; но, оглядываясь вокруг себя, судят да рядят о других людях, нарушивших-де законы книг. Сказано же — на собственной ноге опухоль скрывают, а язву на ноге другого человека выставляют напоказ.

Итак, о благородный муж! Согласно тому, что ты проповедовал среди малых и великих, подчиненных и начальников, населяющих Поднебесную, люди, преступающие закон, многочисленны; [235] тех же, кто в государстве соблюдал бы начала верности и сыновней почительности, мало. Три учения — все они широко проповедовались с одобрения Единственного человека [=государя]. Как же ты, стараясь возложить вину на учеников Шакия[муни], [ищешь прилежно,] раздуваешь по шерстинке, и в то же время столь снисходителен к тем из учеников Кун[цзы], которые также нарушают [свои правила] или уклоняются [от их исполнения]? И это при том, что число крестьян при храмах не превышает 10000, а пища, какую дают монахам и монахиням, составляет одну чашку риса в день. Чтение сутр, обряды, [посвящаемые] будде, несут благо стране; созерцание и размышление, когда [монахи] сидят, [погрузившись в] дхьяну, ответственны добродетелям четырех обязанностей¹⁸. В самом деле, ныне некоторые из тех, чья одежда груба и еда проста, собирают пропитание с 10000 [храмовых] крестьян, пользуются доходом с 1000 ли земель. Но разве нет таких государственных чиновников, что занимают должность, а сами на ней — точно как мертвецы, дела в расстройстве, но алчность ненасытна? [...] Если же одной чашкой риса попрекать монахов и монахинь, то как не пересчитать тогда многочисленные траты чиновников?»

[236] Тут благородный муж смутился и ничего не сказал.

Вздыхнув, через некоторое время промолвил: «Пропитание чиновникам раздается соответственно чину и рангу. Уже звезды видны, когда служилые люди уходят домой [из присутственных мест], а приходят туда — когда звезды еще видны. Мерзнут на ветру, мокнут под дождем, день и ночь — на службе. Как же [237] можно отменить или уменьшить их жалованье? Тогда как монахи и монахини читают сугры и исполняют обряды, [обращенные к] будде, сидя в храмовых залах, упражняются по мере собственного желания. Как же возможно, читая одни только свитки праджня — [парамиты], исполнить долг по отношению к государству, соответствовать широкой добродетели четырех обязанностей?¹⁹»

Учитель сказал: «Все так, как сказал благородный муж. Однако что скрывается внутри — того мы еще не знаем. Закон — вот его-то и называют учителем всех будд. Будда же — человек, передающий Закон. Единую строку чудесного закона трудно встретить в тысячах тысяч калып. Имя и знак единого будды — не услышать, как не увидеть цветок удумбара²⁰. По этой причине ученик [в] снеговых [горах] бросил свое тело [на съедение демонам]²¹, а тот, кто совершенствовался и следовал, сорвал с себя кожу, [чтобы записать на ней эту строку закона]²². Богатства и сокровища обоих миров не сравнятся с одной строкой Закона. [Долгая] жизнь, [такая, чтобы сравняться годами] с числом песчинок в Ганге, — не стоит четырех строк гатхи²³. Царь круга сделался помостом²⁴, Радостное Видение [=бодхисаттва Приядаршана] сжег свое тело²⁵. Причиной тому была истина. Назвав имя и единый знак²⁶ будды — сотрешь неисчислимые тяжкие злодеяния; произнеся Истинное Слово единого знака — обретешь неизмеримые достоинства и добродетели. Так неужели те, кто довольствуется пропитанием в одну чашку риса, не могут быть вознаграждены четырьмя разновидностями долга и добродетели?»

Благородный муж ответил: «Эта речь ложна и недостойна того, чтобы принять ее на веру. Мои учителя, Кун[-цзы] и Ли [Ню, то есть Лао-цзы], подобных слов

[238] не произносили. Если чтение сутр — заслуга, а обряды [почитания] будды — подвиг, тогда и я стану читать письма «Пяти книг» и «Трех дополнений», совершать обряды перед изображениями Чжоуского государя и Кун[-цзы]. Какова разница? К тому же письма «Пяти книг» и знаки «трех хранилищ» — это одни и те же письма и знаки. В чем здесь отличие?»

Учитель сказал: «Речь государственного мужа, лишь только ее услышишь, убеждает; когда же задумаешься, то все окажется не так. Сейчас я истолкую это с помощью примера. Хотя в указах государя и в письмах частных лиц письма и знаки одни и те же, все же по достоинству и применению они весьма различны. То, что написано государем, подобно единому приговору, обходит кругом Поднебесную, раздает награды, раздает кары, сотне семейств несет счастье или горе. Таков и Закон сутр Татха-гаты. Кто из бодхисаттв, слушателей голоса, небожителей, драконов и других восьми родов существ не повинуется ему? Воистину, должно знать! Внешние писания подобны записям ста семейств, а сутры будды — указам Сына Неба. Ибо Индра, читая их, сокрушил войско асур²⁷; если человек прибегнет к ним, то перед ним склонится царь Яма. Но еще не бывало такого, чтобы, читая пять книг, кто-нибудь очистился от злодеяния, а читая три истории

[239] , избежал бедствий».

Благородный муж сказал: «Но Шакья[муни] был красноречив и проповедовал о должной добродетели; а Кун[-цзы] был скромн и не кичился сам собой».

Учитель сказал: «Не следует так говорить. Сам Кун-цзы впервые возвестил имя Западного мудреца и почтил его обрядами. Лао-цзы также произносил уже слова «это мой учитель». Великие мудрецы не говорили лжи. Если же клеветать на Закон, то тут-то и угодишь в глубокую пропасть».

Благородный муж сказал: «Люди, совершившие десять злодеяний и пять измен²⁸, согласно принципу²⁹, попадают в области ада. Но почему такое происходит с теми, кто клеветает на людей или клеветает на закон?»

Учитель сказал: «Сын мой, не слышал ли ты о законах излечения болезней? Для излечения болезни тела непременно нужно применить три закона. Первый — это человек, врач, второй — книга способов (врачевания), третий — чудесное лекарство. Если больной человек чтит врача и доверяет способам и лекарствам, если всем сердцем привержен к следованию им, то болезнь быстро пройдет. Если же больной бранит врачей и не доверяет способам и лекарствам — то раз он не последовал чудесному снадобью, как же сможет его болезнь обрести конец? Так же и татхагата врачует болезни в сердце живых существ. Как и там, будда подобен царю врачевания, учение — книге способов, а принцип — чудесному лекарству. [240] Мыслить согласно принципу — это значит следовать лекарству. Если последуешь закону, то уничтожишь злые дела и станешь свидетельствовать о плоде. Однако ныне неразумные люди, повинные в многочисленных злодеяниях, клеветают на людей [=булдийскую общину], клеветают на Закон. Как же освободятся они от множества злодеяний? Закон, применяясь к человеку, устанавливается, люди, примеряясь к Закону, возвышаются. Закон и люди, будучи одним телом, не обретают расхождения и различия. По этой причине клеветать на людей — то же самое, что и на Закон, поносить Закон — то же самое, что и людей. Кто осужден как клеветник на людей или на Закон, тот — падает в ад Авичи. Как же ему выйти оттуда? В миру люди этого смысла не знают. Полагаясь на свой язык, попусту болтают, не видя глубокого вреда; пусть бы они день и ночь творили десять злодейств и пять измен, но — пусть ни единым словом и никакой речью не смеют клеветать на людей и на Закон! Злодеи, идущие на убийство или грабеж, — те хотя бы обретают выгоду в пище и одежде. А те, кто клеветает на людей и на Закон, — какую пользу для себя они находят в этом?»

Благородный муж сказал: «Почтительно принимаю предостережение и наставление. Отныне никогда не стану его нарушать. [...] Однако есть люди, которые в наши дни [241] создают трактаты и толкования. Все они разбивают чужое и устанавли-

вают свое. Не становятся ли они таким образом клеветниками Закона?»

Учитель сказал: «Сердце бодхисаттв деятельно; у всех у них оно изначально сострадательно, прежде всего для них — польза других. Если они рождаются в этом сердце, то могут, разрушая поверхностное рассмотрение и входя в глубокое учение, достичь весьма широкой пользы и выгоды. Если же в своем сердце, прославленном пользой, [приносимой другим существам], они берут поверхностное учение и разрушают глубокий закон, то могут ли остаться свободны от злодеяния [=клеветы]?»

[243] Благородный муж сказал: «Почтительно воспринял наставление и тут же вдруг разогнал помрачения сердца. Но все же в сердце я пока еще не склонился к решению. Как же, почтительно спрашиваю, люди, еще не обретшие путь, все же не нарушают этого пути? Люди, совершенные в заповедях и в мудрости, выглядят подобно порицаемым и позоримым. Ныне же в мире мы видим: тех, кто уходит [в монахи] и [соблюдает] заповеди, — толпы; но много и тех, кто грабит открыто и крадет тайно. Явившийся в нашем поколении мудрец-государь, поддерживающий нынешние времена мудрый сановник — при виде этих обезьян, не могут молча скрываться. Учение будды и учение государя по виду согласны друг с другом; разве нельзя их уподобить?»

Учитель ответил: «[...] Ранее [ты, о] благородный муж, говорил о быстром таянии снегов и о распространении заразы, о восстаниях в Поднебесной — что-де виноваты в этом люди, уходящие в монахи; это не так. Сын мой, воистину, ты не видел еще великого пути, а потому попусту произносишь эти речи. Ты не принял еще циньского зеркала³⁰, но тебе надлежит к нему обратиться. Если, как ты сказал, бедствия постигают беззаконных монахов и монахинь, то, стало быть, девятилетнее половодье в древние века, семилетняя солнечная сушь времен Тана и подобные им наводнения и засухи возникали по вине монахов? Но тогда монахов еще и в помине не бывало. Как же [245] эти [беды] могли случиться по монашьей вине?»

Участь Ся была — быть свергнутыми, династия Инь — погибла; чжоуское царство было разгромлено и исчезло, ииньский государь безвременно погиб. Всех их постигли несчастья по вине трех женщин, хотя правили они, следуя велению Неба. В их дни не существовало монахов. Как же мог Закон будды здесь чем-то быть повинен? Кроме того, причины возникновения бедствий бывают, коротко говоря, трех разновидностей. Первая — это веление времен, вторая — кара Неба, и третья — запечатленные деяния [=карма]. Веление времен — это, как сказано, солнечные девятки и темные шестерки³¹. Воистину, таковы половодья Яо и засухи Тана. По этой причине совершенномудрый государь [=Фу Си], уйдя от своего места, рассмотрел способы и подготовил указания [по гаданию]. Еще это пять замутнений в кальпе убывания. «Кара неба» — это когда кто-то не следует учению и повелениям, не подчиняется принципу, и тогда Небо его карает. Так, из-за почтительной дочери не шел дождь, из-за верного сановника выпал иней³²: это бедствия второго рода. «Запечатленные деяния» — это когда живые существа, совершившие злодеяния, соответственно им рождаются в злые времена и претерпевают страдания, подобные их запечатленным деяниям. [...]»

Учитель продолжал: «Что приносит пользу и что не приносит пользы — нужно, наконец, ответить и на этот твой вопрос. (246) Итак, это — как лекарство, [бесполезное] тогда, когда ты не болен. Пока существуют помехи, существует и учение. Чудесное лекарство подают, сострадая к больному; Закон будды открывают из милосердия к страдающим. Поэтому тот, кто появляется в век мудрых людей, непременно подпадает под действие сострадания и милосердия. Великое сострадание дает радость, великое милосердие избавляет от страданий. Источник избавления от страданий и дарования радости — подобен тщательно оберегаемому роднику. Установления по обереганию источника не обретаются иначе, как в сутрах. Если среди болезней есть легкие и тяжелые, то и лекарства — сильные или слабые. Если среди помех есть прочные и шаткие, то и учения — глубо-

кие и поверхностные. В кальпе возрастания болезнь легка и людьми правят цари колесниц; в кальпе убывания помехи тяжелы и татхагата [сам] воздвигает учение. Наступают пять замутнений, восемь зол подступают к телу. Счастье и добродетели — слабы и малы, несчастья и болезни — весьма обильны; это и есть обретение последствий от дурных причин из прежних времен. (...) Если кратко говорить о людях, упражняющихся в этом учении, то их бывает две разновидности. Первая — это вышедшие из дому, вторая — оставшиеся дома. Вышедшие — это обрившие голову, окрасившие одежду бхикшу и бхикшуни. Оставшиеся дома — это носящие венец, одетые в мирские наряды упасаки и упасики. Вверху, достигая Сына Неба, внизу, доходя до непросветленных людей и простого люда, они держатся пяти обетов и десяти должных дел, упражняются в следовании шести парамитам — вот каковы они. Вышедшие из дому, люди, пробудившиеся к великому сердцу — это тоже они. Прекращая злодеяния, прекращают страдания, упражняются в добрых делах и обретают радость. Внизу похожи на [приверженцев пути] людей и небожителей, вверху — достигают плода буддства; все они суть те, кто обретает последствия прекращения злого и упражнения в добром. Великий святой полностью указывает оба эти вкуса, когда благоволит излагать учение. Учение будды, почитательно полагаемое, среди людей широко проповедуется. По этой причине люди, знающие Закон, выходят из дома, передают зажженный свет; люди, почитающие Путь, [248] восходят на Путь, совершенствуют знаки.

Как сказано в сутре³³: «Если государь страны или государь-отец отпускают народ, мужей и жен, разрешают им уйти из дому и вступить на Путь, то достойная добродетель, обретаемая при этом, бессмертна и беспредельна. Ибо, став монахами и монахинями, они не дадут нарушить буддийское учение. Ибо, полагаясь на Закон будды, всем людям откроют глаза. Прозрев, люди не уйдут с истинного пути. Сзедуя по истинному пути, достигнут нирваны. Это находится в законе сутр, это — мысль и защита всех будд, защита и оборона всех будд. Польза и выгода

от этого не может быть измерена числами».

[249] Благородный муж сказал: «Итак, люди, знающие закон и говорящие о Пути, весьма полезны. Каким же образом в той стране могут жить люди без закона и учения?»

Учитель отвечал: «На великую гору, когда она расширяется добродетелью, птицы и звери гурьбой собираются; ядовитые и лекарственные [травы] попеременно [на ней] растут. В глубокое море, когда путь становится широким, птицы и черепахи стаями плывут, змеи и демоны вместе [в нем] живут. Близ драгоценного *мани* непременно соберутся и обнаружатся злые демоны; возле хранилища драгоценностей всегда ходят воры и разбойники. [...] Ясное зеркало, когда оно пусто и чисто, отражает образы, как прекрасные, так и безобразные; чистая вода, хотя она спокойна и прозрачна, дает отражения обликов как великих, так и малых. Великая пустота, не имея сердца, вмещает 10000 сущих; великая земля, не имея мысли, производит 100 трав. Хотя сын царя Яо никуда не годился, отец был совершенномудрым. Хотя отец царя Шуня и желал смерти [сына], сын был почтительным. Хотя во врата Конфуция входили 3000 учеников, достигших людей было всего семь десятков, остальные не прониклись наставлениями; хотя учеников почитаемого Шахья было — без меры и числа, все же шедших без порядка, таких, как шесть монахов, Девадатта и Су мак шатра³⁴, было среди них весьма много. Живя во дни татхагаты, они не обрели доброты и чистоты. А сколько их было в позднейшие времена! И все же сострадание и милосердие татхагаты остается отцом трех миров [=настоящего, прошедшего и будущего]. Мудрый и глупый, добрый и злой — как же могут они не склониться перед ним?»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грубая одежда монаха противопоставляется «цветным» одежаниям мирян («доживет») так же, как монашеское чистое сердце — мирскому сердцу, связанному плотскими желаниями (*иро*-«плоть»).

² Цилян — в классической китайской литературе — вол-

шебный зверь, единорог.

³ Ватанабэ С. понимает это место как констатацию: упадок монашества = бедствия в стране; Хакэда Е. переводит иначе: не пора ли в таких (бедственных) обстоятельствах вовсе отменить монашество (как вредоносное само по себе)?

⁴ Лин Лун — легендарный музыкант времен Хуан-ди.

⁵ Янь Цзы, или Янь Хуэй — ученик Конфуция, известный своей сообразительностью.

⁶ Насекомые, живущие на ресницах у москитов. Упомянуты, в частности, в «Люйши Чуньцю» как пример самого маленького из живых существ.

⁷ Житель Цяосяо — карлик, обитатель Цяосяо, страны к Северу от Великой Хань, где, по преданию, живут люди ростом не более трех сяку.

⁸ Согласно «Куся-рон* мир (*сэкай*) проходит четыре стадии (кальпы): становление, пребывание, убыль и пустота. В кальпе пребывания — двадцать возрастных и убываний, каждое равно сроку жизни восьми поколений (или — восьмикратному сроку жизни долгожителя).

⁹ Век справедливого Закона и век измененного Закона, оба по 1000 лет; за ними следует 10000-летний период «конца закона».

¹⁰ Корни (кон) — зрение, слух, обоняние, вкус и осязание, аналоги шести «великих элементов», в отличие от «орудий» («способностей», ки) одинаковы у всех живых существ в пределах данной кальпы.

¹¹ Пять замутнений — негативные аналоги пяти заповедей-запретов: замутнение жизни (сокращается срок жизни людей); замутнение кальпы (то есть времени, эпохи, в том числе — эпидемии и другие стихийные бедствия, войны и другие социальные потрясения); замутнение заблуждений и страданий (порча нравов); замутнение видения (распространение ложных учений); замутнение живых существ (способности и задатки живых существ становятся хуже).

¹² Это место можно понимать как перечень основных характеристик «трех учений»: конфуцианские «заповеди», даосский «Путь», буддийская «мудрость».

¹³ Темная ци — в китайской традиции в биноме цзинци более плотная, грубая составляющая общего субстрата всех явлений; «динамическая субстанция, специализированная по функции» (Ткаченко Г. А. Космос, музыка, ритуал. М., 1990. С. 272), в данном случае — по сезонно-климатической функции (та природная субстанция, «эфир», «дуновение», сгущения и разрежения которой имеют вид изменения погоды, смены времен года и т. п.). Когда изменяется более тонкая составляющая того же всеобщего субстрата, то это имеет вид перемены в мыслях, чувствах живых существ, колебаний их «духа».

¹⁴ Скрытая цитата из Дао-дэ-цзин. «Добродетель» — в данном случае условный аналог для «дэ» — силы, способности и др., фундаментального понятия даосской традиции.

¹⁵ Поверье, согласно которому место, где зарыт клад, порастает особенно пышной растительностью.

¹⁶ Пять книг — И Шин («Книга перемен»). Ши Цзин («Книга песен»), Шу Цзин («Книга преданий»), Ли Ши («Книга обрядов») и Чунь Цю («Весны и осени»).

¹⁷ Три истории — Цзо чжуань, Гулянь чжуань и Гуньян чжуань.

¹⁸ Обязанности по отношению к отцу и матери, ко всем живым существам, к стране и государю, к «трем сокровищам».

¹⁹ Долг сановника по отношению к государю, сына — к отцу, супруга — к супруге и друга — к друзьям.

²⁰ Удумбара — дерево рода фикусов, по преданию, цветет один раз в 3000 лет.

²¹ Шакьямуни в одном из его прежних перерождений странствовал в Гималаях (Снеговых горах), где Шакра (бог Индра) в образе демона искушал его, предлагая сообщить единую строку, в которой содержится вся искомая учеником мудрость, если тот взамен согласится броситься со скалы, отдав свое тело на съедение демону. Эпизод из Нэхан-гё («Сутры о нирване»),

²² История, рассказанная в Дайтидо рон («Трактате об уровнях великой мудрости»). Некий брахман по имени «Любовь и закон», дойдя в своих упражнениях до созерцания строки истинного закона, записал ее на своей коже кровью, взяв вместо кисти собственную кость.

²³ Четыре строки гатхи — отсылка к гатхе их Нэхан-гё: 1. Все движется, ничто не постоянно; 2. Таков закон рождений и смертей; 3. Кто прекратил рождение и смерть; 4. [Для того] покой и прекращение — условия радости. Традиция приписывает Кукаю японское переложение этой гатхи — так наз. «Песню Ироха».

²⁴ Эпизод из Хоккэ-кё («Сутры лотоса», глава XII, «Девадатта»): один из царей четырех стран света проникся мудростью «Сутры Лотоса» благодаря проповеди святого подвижника и стал во всем прислуживать ему, в том числе сделал свое тело помостом для проповедей святого.

²⁵ Там же, глава XXIII, «Прежние дела бодхисаттвы Царь Врачевания»: не ограничившись возжиганием благовоний перед буддой, Приядаршана сжег свои руки и вследствие этого внезапно обрел просветление.

²⁶ Единый знак — тж. знак единицы; его Истинное Слово — биджа А.

²⁷ Отсылка к эпизоду из Дайтидо рон. ¹

²⁸ Убийство отца, матери, архата, оскорбление тела будды, внесение раздора в общину.

²⁹ Принцип — санскр. *tattva*, переведено как ли («порядок», «узор»), здесь — кармический порядок воплощений.

³⁰ Циньское зеркало — волшебное зеркало государя страны Цинь, верно показывавшее все, что происходит в любой из сторон Поднебесной.

³¹ «Девятки» — сплошные черты триграмм из «Книги перемен», «шестерки» — прерывистые черты.

³² Почтительная дочь — вдова, приговоренная к казни по ложному обвинению, — отсылка к эпизоду из Хань Шу; верный

сановник государя страны Янь, безвинно заточенный в тюрьму, — отсылка к эпизоду из Хуайнань-изы.

³³ Цитируется «Сутра о защите страны» (Т. 4, р. 367 в).

³⁴ Шесть монахов — шесть лжеучителей времен Шакьямуни; Девадатта — дядя Шакьямуни, покушавшийся убить его и внесший раздор в общину; Сунакшатра — недостойный монах, нарушавший заповеди и исповедовавший ложные учения, упоминается в Нэхан-гё.

Перевод со старояпонского И. Н. Трубниковой